

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

ПОХОЖДЕНИЯ
БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА
В тылу

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-313.1
ББК 84(4Чеш)
Г24

JAROSLAV HAŠEK
Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války
V zázemí

Перевел с нем. Г. А. Зуккау

Гашек Я.

Г24 Похождения braveго солдата Швейка: В тылу :
[роман] / Ярослав Гашек ; [пер. с нем. Г. А. Зуккау]. —
М.; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира»,
2020. — 218 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-01762-8

«Похождения braveго солдата Швейка» (1921–1923) — это, пожалуй, настоящее сокровище мировой литературы и самый популярный чешский роман в мире, переведенный на 58 языков. Эту книгу в равной степени можно воспринимать как одну большую, полную абсолютно неподражаемого народного лукавства солдатскую байку или как классическое произведение литературы.

УДК 82-313.1
ББК 84(4Чеш)

ISBN 978-5-517-01762-8

© Оформление.
АО «Т8 Издательские
Технологии», 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вступление бравого солдата Швейка в мировую войну

— Так что укокошили нашего Фердинанда, — сообщила служанка господину Швейку, который уже несколько лет как покинул военную службу, потому что медицинская комиссия признала его слабоумным, и который жил теперь тем, что торговал собаками, некрасивыми, непородистыми ублюдками, искусно подделывая их родословные.

Кроме этого основного занятия он еще страдал ревматизмом и как раз в эту минуту растирал себе колени опodelьдоком.

— Какого такого Фердинанда, фрау Мюллер? — спросил Швейк, не прерывая своего растирания. — Я знаю двух Фердинандов. Одного, который служит подручным у провизора Пруши; он еще выпил как-то по ошибке бутылку тинктуры для рощения волос. А потом я знаю Фердинанда Кокошку, того самого, который подбирает собачий кал. Обоим им — туда и дорога!

— Что вы, что вы, я говорю про эрцгерцога Фердинанда, про толстого, богобоязненного, который жил в Конопийште.

— Пресвятая Богородица! — воскликнул Швейк. — Ну и дела! Где же это с ним случилось, с эрцгерцогом-то?

— В Сараеве. Его застрелили из револьвера, когда он ехал со своей супругой, с эрцгерцогиней, в автомобиле.

— То-то и оно, что в автомобиле, фрау Мюллер! Да, такая важная персона может себе это позволить и даже и не думает, как скверно может окончиться такая поездка на автомо-

биле. И притом еще в Сараеве, которое находится в Боснии, фрау Мюллер. Это не иначе как турки сделали! Не надо нам было отнимать у них эту Боснию и Герцоговину. Ну что же, фрау Мюллер! Значит, эрцгерцог почует теперь в лоне Авраамовом... А что, он долго промучился?

— Нет, их высочество сразу же и кончились. Сами знаете, револьвер — это не игрушка! Вот тоже недавно у нас, в Нуслях, один господин стал баловаться с револьвером, да всю семью и перестрелял, вместе с дворником, который прибежал узнать, кто это стреляет в третьем номере.

— А только я вам скажу, фрау Мюллер, что иной револьвер ни за что не выстрелит, хоть ты лопни. Есть такие системы. Ну, конечно, для эрцгерцога купили штуку получше, и я готов побиться об заклад, что человек, который это сделал, специально даже оделся почище. Дело в том, что стрелять в эрцгерцога вовсе не так просто! Это не то что браконьеру стрелять в лесничего. Тут вся задача в том, как бы подойти к нему поближе, потому и нельзя быть в лохмотьях. Тут уж пожалуйста в цилиндре, чтобы вас не зацепал какой-нибудь фараон.

— Да их было несколько человек.

— Так это же само собою понятно, фрау Мюллер, — отозвался Швейк, заканчивая свой массаж. — Ведь если бы вы задумали убить эрцгерцога или императора, вам бы тоже захотелось с кем-нибудь посоветоваться. Ум, знаете ли, хорошо, а два лучше. Один посоветует вам то, другой — другое; глядишь, самое трудное и сделано, как поется в нашем народном гимне. Главное дело — это выждать момент, когда такое высокопоставленное лицо пройдет мимо вас. Да вот, к примеру, если вы еще помните Люккени, того самого, который заколол напильником нашу покойную Елизавету. Он пошел с ней гулять. Вот и доверяй людям после этого! С той поры ни одна коронованная особа не ходит больше гулять. И такая же участь ожидает еще очень многих. Вот увидите, фрау Мюллер, настанет очередь и для русского царя, и для царицы, и, сохрани бог, для нашего императора, раз они принялись уже за его дядю. У него много врагов, у нашего старичка-то, еще больше, чем у Фердинанда. Как говорил

недавно в ресторане какой-то господин: настанет время, когда полетит одна коронованная голова за другой, и никакой прокурор тут уж не поможет. А потом этот господин не смог заплатить по счету, и хозяин ресторана распорядился забрать его в участок. И при этом тот тип закатил хозяину здоровенную плеху, а полицейскому целых две. Ну, его и отвезли в арестантском фургоне, чтобы он очухался... Да, да, фрау Мюллер, вот какие дела нынче делаются! Ведь это же опять утрата для Австрии. Когда я еще был на военной службе, у нас в полку один рядовой застрелил своего ротного. Зарядил он ружье и пошел в канцелярию. Там ему заявили, что ему тут не место, но он стоял на своем: что ему непременно нужно видеть ротного. Ну, ротный вышел к нему и сразу же оставил его без отпуска. Тогда тот схватил ружье и угодил ему прямо в сердце. Пуля вышла у ротного из спины и еще наделала беды в канцелярии: разбила бутылку чернил, которые залили казенные бумаги.

— А что стало потом с этим солдатом? — спросила после небольшой паузы фрау Мюллер, пока Швейк одевался.

— Он повесился на подтяжках, — ответил Швейк, чистя шляпу. — А подтяжки-то были не его. Он их выпросил у надзирателя, якобы потому, что у него постоянно спадали штаны. Что ж, неужели ему надо было ждать, чтобы его расстреляли? Сами понимаете, фрау Мюллер, что у человека в таком положении голова кругом идет. Надзирателя за это разжаловали и приговорили к шестимесячному заключению. Но только он этого наказания так и не отбыл, а бежал в Швейцарию и стал там проповедником в какой-то церковной общине... Нынче мало порядочных людей, фрау Мюллер. Я себе представляю, что эрцгерцог в Сараеве тоже ошибся в человеке, который его застрелил. Вероятно, он увидел какого-нибудь господина и подумал: «Это, несомненно, порядочный человек, раз он кричит мне „Живио“». А вместо того этот человек запалил в него из револьвера! Сколько ран он ему нанес?..

— В газетах пишут, что эрцгерцог весь был продырявлен как решето. Тот человек выпустил в него все заряды.

— Да, это делается в один миг, фрау Мюллер, страшно быстро. Я купил бы себе для такой цели браунинг. Выглядит

он как игрушка, а, между прочим, им можно в две минуты ухлопать двадцать эрцгерцогов, тонких или толстых. Хотя, между нами говоря, фрау Мюллер, в толстого эрцгерцога легче попасть, чем в тонкого. Помните, как застрелили португальцы своего короля? Тот был тоже такой толстый. Да оно и понятно: с чего бы королю быть худеньким? А теперь я пойду в ресторан «Полная чаша», и, если придут спрашивать о фокстерьере, за которого я уже получил задаток, то скажите, что он у меня в моем питомнике в деревне, что я ему недавно обрубил уши и что его нельзя сейчас привезти, пока уши у него не заживут, потому что он может их застудить. Ключ отдайте дворничихе.

* * *

В ресторанчике «Полная чаша» сидел только один посетитель. Это был сыщик Бретшнейдер, состоявший на службе в охране. Хозяин Паливец полоскал стаканы, и Бретшнейдер тщетно пытался втянуть его в серьезный разговор.

Паливец был известный грубиян и ругатель: что ни слово, то «г....» или «ж...»! Но при этом он был начитан и каждому охотно объяснял, что Виктор Гюго употребил это самое слово, описывая, какой ответ старая наполеоновская гвардия послала англичанам в битве при Ватерлоо.

— Чудное нынче лето стоит, — возобновил Бретшнейдер свою попытку серьезного разговора.

— Все одно г....! — отозвался Паливец, убирая стаканы на полку.

— Хорошую кашу заварили нам в Сараеве, — со слабой надеждой снова заявил о себе Бретшнейдер.

— В каком это Сараеве? — спросил Паливец. — В нусльской виннице, что ли? Там каждый день драка. Ведь вы же знаете в Нуслях...

— Нет, хозяин, в боснийском Сараеве! Там убили его высочество эрцгерцога Фердинанда. Что вы на это скажете?

— Я такими делами не интересуюсь. Ну их к ...! — вежливо заметил Паливец и закурил трубку. — По нынешнему времени, если станешь интересоваться такими делами, то

и головы на плечах не сносить. Я человек торговый, и, если ко мне кто придет и закажет пива, я ему отпускаю. А вот такая штука, да Сараево, да политика, да покойный эрцгерцог, — это, извините, не про меня! Из этого ничего путного, кроме Панкраца*, не выйдет.

Бретшнейдер замолк и разочарованно оглянулся в пустом помещении.

— А разве тут не висел раньше портрет императора? — после непродолжительного молчания снова спросил он. — Вон там, где теперь зеркало?

— Совершенно верно, — ответил Паливец, — висел, да мухи его совсем загадили, так что я снес его на чердак. Ведь вы знаете, кто-нибудь мог бы сделать по этому поводу какое-нибудь замечание, а мне бы потом были неприятности. Нужны они мне, что ли?

— А в этом Сараеве переполох, должно быть, был не малый?

На этот коварный прямой вопрос Паливец ответил необычайно осторожно:

— Да, в это время в Боснии чертовски жарко. Когда я там служил в солдатах, нам приходилось класть нашему поручику на голову мешочки со льдом.

— В каком полку вы служили, хозяин?

— Таких мелочей я не упомяну, да никогда и не интересовался такой дрянью, — ответил Паливец, — потому что много будешь знать, скоро состаришься!

Сыщик Бретшнейдер окончательно завял, и его лицо оживилось только с приходом Швейка, который сразу же заказал темного пива, бросив при этом:

— А в Вене у них сегодня тоже траур!

Глазки Бретшнейдера зажглись надеждой. Он коротко заметил:

— Над замком Конопиште развеваются десять траурных флагов.

— Надо было бы вывесить двенадцать, — сказал Швейк, прихлебывая пиво.

* Название тюрьмы в Праге.

— Почему именно двенадцать? — спросил Бретшнейдер.

— Чтобы была круглая цифра. Дюжинами и считать легче, и дюжиной все обходится дешевле, — ответил Швейк.

Наступила тишина, которую сам Швейк прервал следующими словами:

— Итак, его уже более нет в живых! Упокой, Господи, его душу! Не пришлось ему, значит, поцарствовать! Когда я служил в полку, один генерал как-то упал с лошади и убится на месте. Его хотели было снова посадить на коня, да вдруг и видят, что он мертвехонек. А его как раз должны были произвести в фельдмаршалы. И случилось-то это на параде. Уж эти парады никогда до добра не доведут! Вот в Сараеве тоже был раз такой парад. И помню я как сейчас, что у меня к этому параду не хватало двадцати пуговиц на всем моем обмундировании и что заработал я себе за это двадцать суток строгого карцера. Двое суток из них я провалялся в кандалах. А только в армии должна быть дисциплина, не то никакого порядку не будет, всяк по-своему делать начнет. Наш поручик Маковец всегда нам твердил: «Дисциплина, сукины вы дети, должна быть во! Иначе вы бы стали лазать по деревьям, как обезьяны. Но военная служба сделает из вас, сволочей, порядочных солдат!» Ну, и разве ж это не так? Вы только представьте себе какой-нибудь парк, ну, скажем, на Карловой площади, и на каждом дереве сидит солдат, который без дисциплины! Вот этого я всегда очень боялся.

— В Сараеве, — снова начал Бретшнейдер, — это сделали сербы.

— Вот и ошибаетесь, — возразил Швейк. — Это сделали турки, за Боснию и Герцеговину.

И Швейк изложил свое мнение о международной политике Австрии на Балканах. Ведь турки проиграли в 1912 году войну с сербами, болгарами и греками. Вот они и захотели, чтобы Австрия им помогла, а когда им было отказано, они застрелили Фердинанда.

— А ты любишь турок? — обратился Швейк к Паливцу. — Любишь ты этих язычников, этих поганных собак? Ведь не любишь же, а?